

О. Н. Новосельцева
Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова

ВОСПРИЯТИЕ «ДУХОВНОГО» И «ДУШЕВНОГО» В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ТОЛСТОГО НЕМЕЦКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ XIX ВЕКА

Концепт «духовность» является сложным, неоднозначным. Он неоднократно привлекал внимание выдающихся русских философов XIX–XX веков, начиная от славянофилов и заканчивая трудами русских мыслителей, подвергавшихся гонениям советской власти и вынужденных эмигрировать (1 : 605, 613). Наверное, поэтому концепт «духовность» назван современными учеными, разрабатывающими основы когнитивной лингвистики, чисто русским национальным, безэквивалентным (8 : 86, 144). По мнению Т. И. Власовой, особенностью всех русских философских концепций духовного является осмысление человеческой жизни как духовной субстанции на основе «чувственного уровня как непрерывной ступени человеческой веры. Им свойственна также аккумуляция знаний о мире при полном единстве духовных сил, в то время как соответствующие западные концепции основываются только на логике (1 : 606).

В современной философии концепт «духовность» описывается не только с учетом предыдущего и настоящего философского опыта, но и на основе достижений многочисленных современных общественных и гуманитарных наук (11 : 310). В самом общем виде понятие духовности включает в себя гуманизм, т. е. человеколюбие, милосердие, человечность, сопричастность и основанные на них поведение и деятельность (11 : 310). Люди верующие, во главе вышеперечисленного, руководствуясь апостольскими Посланиями, ставят руководство в своих действиях Святым духом, то есть веру (1 Кор. 2 : 5–15). В Первом послании к коринфянам святого апостола Павла люди, руководимые Святым Духом, называются духовными (1 Кор. 2 : 15, 3 : 3). Православная антропология и педагогика указывают, что не существует безрелигиозной духовности: духовное в человеке связано с присутствием в нем Божественного и проявляется в совести как голосе Божиим в человеке и страхе Божиим (7 : 22).

Так как понимание сферы духовного обусловлено иерархическим триединством: дух, душа, тело, то понятие «духовность» тесно связано с понятием «душевность» (7 : 22). С позиций материализма оно трактуется как «индивидуальная выраженность в системе мотивов личности фундаментальной социальной потребности жить и действовать для других» и характеризуется добрым, заботливым, внимательным и сопереживающим отношением человека к окружающим (9). Но концепт этот также будет, по нашему мнению, не до конца описанным, если мы исключим его религиозную составляющую. Апостол Павел, в противоположность людям духовным, тех, кто в жизни руководствуется человеческим обычаем, мирской мудростью, своим умом, естественными силами, называет душевными (1 Кор. 2 : 14, 3 : 3).

В своей статье мы будем руководствоваться концептами «духовность» и «душевность», основанными на православном миропонимании. С одной стороны,

без учета религиозной составляющей они будут, как нам представляется, неполными и не передающими безэквивалентную национальную специфику этих понятий. С другой стороны, для характеристики творчества Л. Толстого термины «духовный» и «душевный» введены в оборот православным литературоведом, профессором Московской Духовной Академии, доктором богословия и филологических наук Михаилом Михайловичем Дунаевым в его монографии «Православие и русская литература» (2 : 8, 12, 129). Основываясь на православном миропонимании, профессор Дунаев пишет: «Толстой – гений в исследовании и отображении душевного мира, тут нет ему равных. Стремление же к духовной высоте он отверг. Ибо Христос для него – не воскрес» (2 : 8). Характеризуя героев ранней толстовской трилогии, Дунаев отмечает: «Толстовский герой как будто не различает духовное и душевное – все ему представляется легким и доступным собственными усилиями» (2 : 8). О Пьере, как об одной из ключевых фигур «Войны и мира», Дунаев говорит, что высота открывшейся ему любви к людям снижена по вине автора, так как опускается с уровня духовного на душевный (2 : 129). Анализ «Анны Карениной» позволяет Дунаеву сделать вывод о том, что «сердце в толстовском художественном восприятии сопряжено не с духовными, но преимущественно с эмоциональными переживаниями его героев – даже когда они живут в ощущении своей связи с Богом...» (2 : 147). Тем не менее, как отмечает Дунаев в своем цикле лекций, посвященных Л. Толстому, в период, включая «Анну Каренину», Толстой является великим и действительно христиански настроенным писателем, несмотря на некоторые свои заблуждения (3). Так, в поведении его героев можно найти много подлинно духовных проявлений, как у истинно верующей Марьи Болконской, так и у Наташи и Андрея в «Войне и мире», и даже у мужа Анны Карениной в «Анне Карениной» (3). В целом, все творчество Толстого в указанный период Дунаев характеризует как «душевное», так и, хотя и с оговорками, как «духовное». Все, что было написано Толстым позже, утрачивает, по мнению Дунаева, духовность, так как Толстой окончательно теряет связь с Православием.

Такая оценка является традиционно православной. Она встречалась уже в первых современных русских критических работах. Так, известный русский критик с ортодоксально-православными убеждениями Ю. Н. Говоруха-Отрок писал под псевдонимом Ю. Н. Елагин по поводу «Крейцеровой сонаты»: «Смутное, неясное и печальное настроение испытываешь, прочтя это произведение, и становится как бы “страшно и пусто в мире”, говоря словами Гоголя. Душа чувствует горькую правду, заключенную в этом произведении, но не чувствует того “веяния хлада тонка”, в котором и есть “дух Божий”, который чувствуется в “Анне Карениной”... И напрасно гр. Толстой говорит нам как бы от имени Христа. Мы не поверим ему и в этом. Мы вместе с поэтом спросим: Христос, он понял ли тебя?» (4 : 337, 340).

Итак, как современное нам русское православное литературоведение в лице профессора М. М. Дунаева, так и современная Толстому русская православная критика в лице Ю.Н. Говорухи-Отрока разделили творчество Толстого на два периода: «духовно-душевный», включающий «Анну Каренину», и «душевный», включающий все последующее творчество Толстого до самой его смерти.

Следуя логике предыдущих рассуждений, восприятие творчества Толстого его немецкими писателями-современниками фактически трудно рассматривать

с точки зрения его духовности по двум причинам. Во-первых, рассматривая духовность как русский национальный безэквивалентный концепт, сопряженный с православием, мы вынуждены учитывать его культурную чуждость в протестантско-католической Германии, где не общность, не соборность стоят на первом месте, а индивидуализм (19 : 110). Хотя мы и учитываем общечеловеческое значение наиболее важных духовных ценностей, но духовность в разных странах функционирует в конкретных национальных формах (11 : 312). В 60-е и 70-е годы Толстой еще фактически неизвестен в Германии. Пик его популярности относится к периоду с 1884 по 1920 годы (10 : 87). Ко времени публикации переводов произведений Толстого немецкие писатели-реалисты были уже в преклонном возрасте и воспринимали творчество русских писателей скорее как нечто чуждое. В качестве исключения можно назвать только Теодора Фонтане, который в своей рецензии на драму «Власть тьмы» дал ей положительную оценку в плане ее этического содержания, т. е. ее «душевного» содержания (17 : 19). Лишь с возникновением в 80-е годы литературного натурализма в молодой писательской среде возник подлинный интерес к творчеству русских авторов – Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Во-вторых, именно с точки зрения литературной критики, выполнявшей в конце XIX века литературоведческие функции, были оценены в Германии прежде всего поздние произведения Толстого, а именно: «Крейцера соната», «Поликушка», «Власть тьмы», находящиеся за пределами «духовно-душевного» периода творчества Толстого. Роман «Война и мир», для сравнения, не оказал заметного влияния на немецких романистов, так как для них в последнюю четверть XIX века образцом был в значительной степени Золя (15 : 462).

Восприятие позднего творчества Толстого как натуралистического, общность социальной тематики и отдельных мировоззренческих компонентов, основанных на вере человека только в собственные силы, создали благоприятную почву для активной рецепции и аккумуляции положительного опыта Толстого в изображении «душевных» героев, прежде всего, в среде берлинских писателей-натуралистов. Немецкие литературоведы-слависты Христиане Штульц и Вольфганг Зандфукс указывают на повышенное внимание к позднему творчеству Толстого в журнале берлинских писателей-натуралистов «Свободная сцена современной жизни» (19 : 112), (21 : 47). Сотрудники журнала явились в конце 80-х годов литературными посредниками, которые первыми обратили внимание немецкой литературной публики на драматургическое творчество Толстого. Своей критикой, комментариями и интерпретацией его текстов они направили процесс их восприятия по пути преобразования немецкого натурализма в сторону интереса к психологии персонажей. Именно в этом журнале создавались в Германии предпосылки для более глубокого внутреннего восприятия позднего Толстого. На его страницах в 1890–91 годах было опубликовано восемь статей о Толстом и его позднем творчестве, авторами которых являются немцы, скандинавы и русские: Пауль Шленгер, Ханс Олден (Иоганн Август Оппенгейм), Арне Гарборг, Ола Хансон, Ю. Николаев (Ю. Н. Говоруха-Отрок), Момме Ниссен. Сотрудники журнала стремились по канонам теории натурализма учитывать современные достижения естественных наук, но видели их недостаток в западных натуралистических произведениях в отсутствии изображения человеческой души во всех ее противоречиях (22 : 234).

В своей рецензии на «Власть тьмы» Пауль Шленгер указывает, что Толстой достигает этой цели в пьесе, когда открывает нашему взгляду тайны человеческой души (20 : 14). Как Пауля Шленгера, так и Ханса Олдена привлекает в пьесе ситуация нравственного обновления личности в лице Никиты (18 : 15). В изображении «кающегося человека» Шленгер видит национальное своеобразие пьесы Толстого, определившее, по его мнению, ее огромный успех у немецкой публики (20 : 13–14). Но Шленгер усматривает в пьесе и моменты, которые позволяют Толстому выйти за рамки русской действительности: это сам внешний сюжет пьесы, по сути рассказывающий о различных преступлениях, которые распространены в немецком обществе (20 : 14). Именно это позволяет немецкой публике, по мнению Шленгера, пережить «Власть тьмы» как близкую ей драму. Дело в том, что жесткая критика современной общественной жизни была характерна и для Германии, где творили Гофман и Гейне, но она не пользовалась особой популярностью. Причина интереса к русской социальной критике заключается, как указывает Л. М. Лотман, в том, что основой русского реализма была вера в возможность преодоления зла. Это отличало русский реализм Толстого от французского и немецкого натурализма (5 : 260–261).

В повести «Крейцера соната» Толстой предлагает свои пути преодоления половой распущенности в обществе. Если во «Власти тьмы» он выбирает для своего героя путь нравственного раскаяния, то здесь предлагается путь воздержания. Вопросы сексуальных отношений в условиях развивающегося капитализма являются актуальными в Германии, поэтому в «Свободной сцене современной жизни» в 1890–91 годы повесть Толстого рассматривается в рамках дискуссии о «женском вопросе». Сотрудники немецкого журнала не интересуются духовные стороны брака. Их в первую очередь волнует урегулирование сексуальных отношений в семье. Арне Гарборг и Ола Хансон в своих статьях не поддержали призывы Толстого к аскетизму. Арне Гарборг в этом вопросе вообще предлагает отказаться от морали в пользу свободы (13 : 1099). Критик отмечает отсутствие духовного компонента в «Крейцеровой сонате» и справедливо указывает, что Толстой, судя по ее содержанию, не верит в Бога и в своих призывах к воздержанию опирается на свое собственное толкование слов Христа. При этом его собственные рассуждения о высказываниях Христа и евангелиста Матфея свидетельствуют о прямолинейном и прагматичном, «душевном» подходе к ним автора статьи (13 : 1043–1044). Ола Хансон в призывах Толстого к аскетизму видит русскую национальную черту: особый нравственный ригоризм, стремление видеть нравственную подоплеку во всех явлениях человеческой жизни и подходить к человеческим поступкам со слишком строгими мерками и с большим вниманием относиться к любым малейшим движениям человеческой души (14 : 450).

В 1890–91 годы немецкие писатели в основном ограничиваются критикой Толстого, они еще не способны были *внутренне* воспринять эстетические и этические особенности его поздних произведений. Но критическая полемика на страницах «Свободной сцены современной жизни» послужила подготовкой и развитию внутренних связей немецкого натурализма с поздним Толстым, которые особенно ярко проявились затем в драмах Герхарда Гауптмана (16 : 4). Этот немецкий писатель-натуралист подчеркивал влияние «Власти тьмы» на свое творчество. Он

писал о том, что она вдохновила его на создание драмы «Перед восходом Солнца», что ростки, взошедшие на немецкой натуралистической почве, большей частью имеют у него русские корни (17 : 28). Друг Гауптмана, Бруно Вилле, отмечал, что особое впечатление произвели на писателя этическая народная культура Толстого, в особенности его выступление против злоупотребления алкоголем и сексуальной распущенности (17 : 28). Именно этими двумя социальными болезнями заражена семья Хофман в драме Гауптмана. В обеих драмах, русской и немецкой, сталкиваются нравственно распущенные и бесцеремонные люди с представителями правды и справедливости в лице Акима и Лота. При всем сюжетном сходстве, драматургия их различна, так как, в соответствии с канонами натурализма, Гауптман хочет изменить людей, изображая внешние обстоятельства и идеи, внутреннего преобразования героев не происходит. Своей рассудочностью и увлеченностью идеями социального детерминизма Лот напоминает Константина Лёвина из «Анны Карениной» (17 : 28). По мнению немецкого ученого начала XX века К. Нойшелера, осуществившего первый значительный сопоставительный анализ драм Толстого и Гауптмана, драма Толстого оказала значительное влияние на творчество немецкого писателя. Она соответствовала трем основным требованиям натуралистической теории драмы: описывала жизнь низших слоев населения, была революционной и поучительно-тенденциозной (17 : 29).

Анализ литературной ситуации в Германии XIX века, немецкой натуралистической критики и сопоставление поздней драмы Толстого и драмы Герхарда Гауптмана наглядно демонстрируют, по нашему мнению, что рецепция Толстого проходила в Германии несколько последовательных этапов от рецензий и критических статей к литературному влиянию. Причем последнее фактически не проявляется. Немецкие писатели XIX века не только были ограничены в возможностях оценить «духовно-душевные» особенности произведений Толстого, но и в силу особенностей национального менталитета и особенностей национальной литературной ситуации активно воспринимали «душевную» их сторону, понимаемую нами как этическую, морально-нравственную. Ограниченность теории натурализма осознавалась немецкими писателями-натуралистами, а потому в поздней драме Толстого они оценили национальное своеобразие ее героев и самого автора, его душевность по отношению к своим героям, которым дан шанс на покаяние и через него воссоединение с миром нравственных людей. В «Крейцеровой сонате» они увидели демонстрацию нравственного аскетизма русских людей. В представлении немецких писателей «душевные» русские персонажи Толстого и он сам являются более нравственными и более способными к самосовершенствованию, чем герои западных писателей. В этом выявлении национального своеобразия заключается достоинство анализа немецкой критики при рассмотрении вопроса о «духовных» и «душевных» компонентах в творчестве Толстого. С другой стороны, немецкие писатели XIX века не готовы наделять этими более совершенными качествами своих героев. Примером этому служит главный положительный герой драмы Герхарда Гауптмана, Лот, не способный отказаться от своих убеждений ради любимой женщины и являющийся причиной ее самоубийства. И тем более «духовность», в русском национальном понимании, была чужда

немецкому менталитету, проникнутому духом протестантизма. Очевидно, и поэтому поздние произведения Толстого, относящиеся, по М. М. Дунаеву, к «душевному» периоду его творчества, нашли, как мы показываем в своем диссертационном исследовании, первоначально более положительный отклик в Германии, чем в России (6 : 111–114).

Библиографический список

1. *Власова Т. И.* Категория «духовность человека» в русской философской традиции // Электронный журнал «Исследовано в России». 2000. С. 605–614 // <http://zhurnal.aperelearn.ru/articles/2000/046.pdf>
2. *Дунаев М. М.* Православие и русская литература: в 5 ч. Ч. IV. М., 1998.
3. *Дунаев М. М.* Толстой: в 4 ч. Ч. IV // Дунаев М. М. Христианство и литература: курс лекций [Видеозапись]. М., 2007 // <http://www.tv.radonezh.ru/audioarhiv01/dunaev/>
4. *Елагин Ю. Н.* Литературно-критические очерки // Русский вестник. СПб., 1891. Январск. выпуск. С. 325–341.
5. *Лотман Л. М.* Эстетические принципы драматургии Толстого // Толстой и русская литературно-общественная мысль. Ленинград, 1979.
6. *Новосельцева О. Н.* Л. Н. Толстой в берлинском журнале писателей-натуралистов «Свободная сцена современной жизни» (1890–1891 гг.): дис. канд. ф. наук. Кострома, 2004.
7. *Остапенко А.* Как разобраться воспитателю в вопросе о духовном и нравственном? // Духовно-нравственное воспитание. 2008. № 6. С. 20–22.
8. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика. М., 2007.
9. Психологический словарь – 2000 // http://www.nvapl.ru/show_dict_246.htm
10. *Ханке Э.* Макс Вебер и Лев Толстой // Российская социология: историко-социологические очерки / ред. А. О. Боронев, В. В. Козловский. М., 1997. С. 86–109.
11. *Чижов П. Г.* Интернациональное и национальное в духовности человека и обществе // Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27–28 мая 2004 г.). Материалы выступлений / под общ. ред. И. И. Ивановой. Бишкек, 2004. С. 308–312.
13. *Garborg A.* Tolstoi und das Keuschheitsproblem // Freie Bühne für modernes Leben. 1890. S. 1041–1044, 1076–1079, 1097–1099.
14. *Hansson O.* Die Kreuzersonate von Tolstoi // Freie Bühne für modernes Leben. 1890. S. 447–450.
15. *Halm H.* Wechselbeziehungen zwischen L.N. Tolstoi und der deutschen Literatur // Archiv für slawische Philologie. 1914. Bd. 35. H. 3–4.
16. *Hoefert S.* Das Drama des Naturalismus. Stuttgart, 1979.
17. *Kersten G.* Gerhart Hauptmann und Lev Nikolajewic Tolstoj. Wiesbaden, 1966.
18. *Olden H.* Tolstoi und sein Berliner Publikum // Freie Bühne für modernes Leben. 1890. S. 14–16.
19. *Sandfuchs W.* Dichter-Moralist-Anarchist. Stuttgart, 1995.
20. *Schlenther P.* Freie Bühne: Die Macht der Finsterniss // Freie Bühne für modernes Leben. 1890. S. 12–14.
21. *Stulz Ch.* Lev Nikolaevic Tolstoj in der zeitgenössischen deutschen Literaturkritik (1865–1910): Diss. zur Erlegung des Doktorgrades. Berlin., 1958.
22. *Voswinkel G.* Der literarische Naturalismus in Deutschland: eine Betrachtung der theoretischen Auseinandersetzung unter besonderer Berücksichtigung der zeitgenössischen Zeitschriften: Diss. zur Erlegung des Doktorgrades. Berlin, 1970.